

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ В НАУЧНОМ ЗНАНИИ

A.K. Mamedov

SELF-PRESENTATION OF SOCIOLOGY IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

В статье рассматриваются методологические основы социального познания, социокультурные и теоретические основания социальной науки; определяется место социологии в системе наук, проводится критика позитивистского подхода к анализу методов социологии; осуществляется эпистемологический анализ теоретических конструктов, послуживших основой современного социологического знания. Постулируется необходимость теоретического знания в социологии, ее философских и методологических оснований. Обосновывается общность социологической науки, ее отличие от простой эмпирики. Раскрываются теоретические подходы О. Конта и Г. Спенсера, концепция научной революции А. Койре, теория парадигм Т. Куна и их влияние (и ограниченность) на развитие социологической науки. Исследуются методологические принципы постпозитивистского подхода к социальным наукам и социальному познанию в целом. Описываются феноменологические и сущностные теории.

Ключевые слова: методология, научная парадигма, научная революция, позитивизм, познание, теоретическое знание, эпистемология.

The article considers some methodological foundations of social cognition, socio-cultural and theoretical foundations of social science; defines a clear position in the sociology of science, criticizes the positivist's approach to the analysis of the methods of sociology; epistemologically analyze such theoretical constructs, which formed the basis of modern sociological knowledge. The article posits the importance of theoretical knowledge in sociology and its philosophical and methodological foundations. Author explains the integrity of the science of sociology, it differs from simple empiricism. Here we describe the theory of Comte and Spencer, the theory of the scientific revolution Koyre, Kuhn's theory of science paradigm and influence of these theories on the development of sociology (and their limitations). The author examines the methodological principles of postpositivism in the social sciences and social cognition in general and describes phenomenology and essential theories.

---

* Мамедов Агамали Куламович, e-mail: akmnauka@yandex.ru

Keywords: methodology, scientific paradigm, scientific revolution, positivism, knowledge, theoretical knowledge, epistemology.

Любому исследователю, приступающему к изучению социальных наук, бросается в глаза множественность (плюрализм) различных теорий и методов социального познания, жестко конкурирующих между собой, и, как следствие, — раздробленность научного поля и сообщества, специализированного в области социальных наук. При этом многочисленные группы, на которые разбито это сообщество, не могут договориться между собой даже по самым общим и фундаментальным для них вопросам, чего вовсе не наблюдается (по крайней мере, на первый взгляд) среди ученых-естественников¹. Иначе говоря, социальные науки с этой точки зрения больше похожи на философские дисциплины и теории, чем на науки о природе. Преобладающая в эпистемологии позиция, закрепленная не только в учебниках², но и в убеждениях большинства, сводится к тому, что социальные науки все еще отстают в своем развитии, и это выражается, в частности, в том, что они все еще недостаточно отделились от философии. Нетрудно заметить, что это объяснение основано на представлении о том, что отделение наук от философии не только возможно, но и необходимо для того, чтобы они могли стать зрелыми науками. Известно также, что это положение было сформулировано в качестве руководящего принципа в начале XIX в. Огюстом Контом, положившим тем самым начало позитивистской эпистемологии.

В целом развитие эпистемологии и истории науки в XX в. (в том числе и самого позитивизма) накопило уже, на наш взгляд, достаточно оснований для того, чтобы, если и не отвергнуть полностью эту точку зрения, то, по крайней мере, радикально ограничить ее. Постпозитивистской переформулировки этой доктрины, осуществленной во второй половине XX в. К. Поппером³, Т. Куном⁴, П. Фейерабендом⁵ и др., на наш взгляд, все же недостаточно и требуются дальнейшие исправления. Мы отстаиваем посыл, что вытекающее из этой эпистемологии представление о якобы произошедшем (и происходящем) отделении всех наук от философии и отставании в этом процессе социальных наук от естественных является заблуждением, причем достаточно грубым, и потому должно быть

---

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 10–11.

² См.: Гусева Е.А., Леонов В.Е. Философия и история науки: Уч. М., 2015. С. 59.

³ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания. М., 2004.

⁴ Кун Т. Указ. соч.

⁵ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Общ. ред. И.С. Нарский. М., 1986.

отвергнуто. Более того, если и признавать некоторый недостаток социальных наук, то он состоит не в том, что они еще не отделились от философии, а, наоборот, в том, что они недостаточно проникнуты еще философской рефлексией. Обособленность наук носит преимущественно социальный (институциональный) характер и является лишь видимостью, принимаемой за сущность. Если же смотреть в сущность, чем и занимается эпистемология, то о каком-либо отделении науки от философии не может быть и речи. С позиций логики, оно представляется даже нонсенсом, поскольку предполагает некое отделение особенного от общего (всеобщего), разрыв между ними и переход к какому-то отдельному и независимому существованию.

При этом достижения эпистемологии науки уже дают достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что все науки на любой стадии их развития представляют собой не какой-то разрозненный набор безразличных предметов, подобный набору фломастеров в одной коробке, а, скорее, — единый живой организм, в котором все его “части” и “отделы” взаимосвязаны, взаимно подчинены друг другу, непрерывно взаимодействуют в рамках и интересах целого. Поэтому с Античности, во времена которой зарождается впервые Наука как таковая, все науки развивались (и продолжают развиваться), во-первых, только в рамках философии как их общей основы, а, во-вторых, — только совместно, а не по отдельности и независимо друг от друга. И, следовательно, все рассуждения о разной скорости развития в науках и разной степени развитости частных наук, по сравнению с другими, не имеют под собой надежной основы, а потому все такого рода оценки носят субъективный (в основном “физико-центрический”) характер и не выдерживают серьезной критики.

Однако понятно, что одних общих рассуждений недостаточно, поскольку позитивизм в том и состоит, что он противопоставляет этим рассуждениям такие же, но собственные общие рассуждения, основанные на других посылах, и при этом именно его рассуждения, а не приведенные выше, большинству ученых кажутся здравыми и правдоподобными. Поэтому единственный путь — углубиться в рассмотрение принципов и деталей самой критикуемой (позитивистской) точки зрения и показать, в чем именно заключаются ее ошибки, исходя из самой же этой точки зрения. Вначале мы рассмотрим исходную версию теории об отставании социальных наук, сформулированную впервые Контом, затем — ее постпозитивистскую версию и покажем, в чем состоят их ошибки. В заключение сформулируем свою точку зрения на указанный плюрализм парадигм в социальных науках и на то, как следует относиться к этому факту.

История социологии, как она излагается в большинстве учебников⁶, начинается с того, как в начале XIX в. О. Конт, математик и физик по образованию, интересовавшийся в то же время и социальными вопросами, был удивлен и даже поражен неудовлетворительным состоянием “моральных наук”, как они тогда назывались, что и побудило его всерьез задуматься над путями и способами реформирования этой сферы познания. Разработанная программа реформ и привела якобы в итоге к тому, что неудовлетворительные и неполноценные “моральные науки” превратились, наконец, в настоящую “научную науку” об обществе — в современную социологию. Роль и значение Конта в истории социальных наук, конечно же, велики, но они совершенно не те, что обычно ему приписываются. Прежде всего, отметим, что Конт, строго говоря, не был достаточно компетентен, чтобы судить о зрелости или незрелости социальных наук или об их отставании. Математик и физик по образованию, в области “моральных” и “исторических” наук своего времени он был дилетантом. То же самое мы должны сказать и о его учителе — Сен-Симоне (еще большем дилетанте), а также и об их известных последователях — Г. Спенсере и Дж. Ст. Милле — все они в науках об обществе были в некоторой степени дилетантами, и потому, по большому счету, не могли адекватно судить о состоянии и развитии социально-гуманитарных наук в их прошлом и настоящем. Наконец, все энтузиасты, которых самому Конту и его последователям удалось тогда увлечь программой новой науки, — все они тоже были в основном дилетантами, что и объясняет их энтузиазм. Неслучайно энтузиазм охватил в основном британо-американское и (в меньшей степени) французское научное сообщество, в то время как немецкое, воспитанное на глубокой философской традиции, восприняло программу Конта скептически и даже отрицательно, встав в оппозицию к ней.

Если обратиться к фактам того времени, можно увидеть, что о каком бы то ни было застое в социальных науках или об отсутствии значимых научных результатов не могло быть и речи. Наоборот, большинство наблюдателей тогда приходили к обоснованному выводу, что “моральные науки” с некоторых пор (с XVI в., в котором началась научная революция в естествознании) стали резко прогрессировать. Особенно бурное развитие переживала новая для начала XIX в. наука политической экономии, успехи которой получали высокие оценки даже со стороны абсолютных оппонентов эмпиризму, каким был, например, Гегель⁷. Имена Кенэ, Тюрго,

---

⁶ См. напр.: *Масионис Дж.* Социология. СПб., 2004. С. 39–40.

⁷ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 234.

Смита, Сэя, Рикардо, Мальгуса, Сисмонди, Листа и других выдающихся ученых, работавших в новой науке, были хорошо известны образованным европейцам. Но и в других социальных науках наблюдалось не менее бурное развитие, а именно, — в политологии (Гоббс, Локк, Вольтер, Руссо, Юм), в самой социологии, понимаемой в узком смысле (Монтескье, Вико, Гельвеций, Фергюссон, Рейналь, Беккариа, Токвилль), в истории (Гердер, Гиббон, Нибур, Дройзен, Тьери, Минье, Гизо, Морган и др.), не говоря уже о социальной философии (Локк, Юм, Дидро, Гегель и др.). О застое в социальных науках того времени невозможно и думать, наоборот, всем очевидно, что социальные науки переживали самую настоящую научную революцию (понятие современной эпистемологии). Поэтому речь могла идти лишь о том, что это очевидное бурное развитие социальных наук происходило, на чей-то взгляд, совершенно “неправильно”, не так, как кому-то представлялось желательным — речь идет лишь о чьей-то субъективной интерпретации очевидного социального факта.

Очевидно также и то, что главной причиной и поводом к подобным субъективным интерпретациям были переживаемые последствия Великой французской революции. Причиной же самой Революции большинство исследователей (за исключением марксистов, только формировавшихся в особое сообщество) считали именно разрушительные социальные теории, развитые в “моральных науках” в XVII–XVIII вв. Причем к этому мнению во Франции пришли, как известно, задолго до Конта. После же Революции и бедствий, пережитых европейскими странами, естественно, потребовалось (прежде всего самой Франции), во-первых, какое-то объяснение причин столь “неудачной” попытки воплощения, казалось бы, самых передовых социальных теорий в жизнь, а, во-вторых, — разработка противоядия от появления подобных теорий в будущем. А поскольку под сомнение был поставлен и сам человеческий разум, лучшим воплощением которого считалась до Революции вся французская философия, то требовалась и реабилитация самого разума. Именно этим практическим целям как нельзя лучше отвечала позитивистская социальная философия Сен-Симона и Конта.

С одной стороны, она объясняла губительность применения социальных теорий их незрелостью, неспособностью вырабатывать научно обоснованные рекомендации для политиков; а, с другой, предлагала этим наукам достойный паттерн — науки о природе, которые ни в каких губительных последствиях применения их теорий на практике замечены тогда не были. Но это была лишь внешняя (практическая) сторона позитивизма, которую вполне удовлетворительно разработал Сен-Симон (лозунг учиться у физиков

и у Ньютона выдвинул именно он). Однако эту цель и программу нужно было обосновать как-то еще и теоретически (эпистемологически), т.е. придать ей вид не субъективного мнения, а объективной научной теории, чего сам Сен-Симон сделать не смог. И вот эту задачу и решал своей эпистемологией Конт. Аналогичную научно-политическую программу (но с противоположными целями) развивал в тот же период (отталкиваясь тоже от учения Сен-Симона) К. Маркс, который, однако, не стал создавать под нее собственную эпистемологию, а просто сослался, что такая эпистемология, дескать, уже разработана Гегелем, просто ее нужно “перевернуть с головы на ноги” (чего ни он, ни Энгельс, так и не сделали). Конт же действительно создал совершенно новую эпистемологию, отвечавшую самому духу того времени; настоящая наука должна заниматься ничем иным, как только собиранием и обобщением фактов — должна быть чисто эмпирической наукой, лишенной всякой “метафизики” и всяких попыток объяснения наблюдаемых явлений⁸. Нужно только наблюдать, измерять и обобщать — и ничего больше. И именно этим и занимаются, по его мнению, с XVI в. все науки о природе, чем и объясняются их огромные успехи.

Социальные же науки еще не дошли до признания единственно научного метода (Конт назвал его “позитивным”) и целиком погрязли в старом, “метафизическом” и “теологическом” методе, почему и не могут продуцировать настоящее научное знание. Эта эпистемология была полностью ошибочной, она представляла собой упрощение и даже “кастрацию” науки, но в ней содержалось рациональное зерно — эмпирическая составляющая социальных наук того времени и эмпирические методы исследования общества действительно были еще не столь развиты, как в науках о природе, хотя это отставание не стоило преувеличивать. Социальные наблюдения и измерения еще не были выведены на столь же высокий технический уровень, как в естествознании. Но и они уже демонстрировали первые весьма серьезные успехи (Ф. ЛеПле во Франции, А. Кетле в Бельгии). А само зарождение этих методов относится к XVI–XVII вв. (Д. Граунт и В. Петти). Впоследствии массовые исследования положения рабочих проводились во Франции (по поручению Академии моральных и политических наук) Виллерме, Буанстоном и Бюре (1840), а в Англии — Ф. Энгельсом (1845)⁹. Задолго до этого В. Петти называл это направление социальных исследований “политической арифметикой” и “политической ана-

---

⁸ Конт О. Общий обзор позитивизма / Под ред. Э.Л. Радлова. М., 2011.

⁹ См.: Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы: Уч. пособ. для вузов. М., 2010. С. 330–338.

томией”, А. Кетле считал его “социальной физикой”, а Конт, называвший его первоначально тоже “социальной физикой”, переименовал потом в “социологию”.

Однако наука не сводится ни к простому накоплению фактов (понимал это и сам Конт), ни даже к их обобщению (чего он, видимо, так и не понял). Наука состоит главным образом в объяснении фактов, которое достигается только теоретическим мышлением, — теорией. И основной вред (или вызов) позитивизма для научного познания в том и состоял, что после Конта пришлось уже специально доказывать, что «наука по своей сущности является теорией, а не собиранием “фактов”»¹⁰. И что установление самих фактов направляется всегда определенной теорией, ибо без этого “лоцмана” наука утонула бы в море фактов. Наука занимается теми фактами, которые интересуют теорию, именно в развитии теорий и состоит главным образом развитие самой науки. Факты же и эмпирические методы исследования играют в этом процессе вспомогательную роль. Эпистемология Конта ориентировала науку в основном именно на эту сторону дела. В конечном счете, это принесло, конечно, социальным наукам определенную пользу, но вместе с тем — и огромный вред, поскольку отвлекло их от исследования своей теоретической составляющей. Методология Конта, как уже отмечено, была воспринята с полным доверием и энтузиазмом в основном среди британских, американских и французских ученых, и без того склонных к эмпиризму, — семена позитивизма упали на благоприятную теоретическую почву. Что же касается немецких (и отчасти российских) ученых, то в силу иной традиции последовала негативная реакция на позитивизм как на “единственно научную” методологию познания. Даже те немецкие ученые, которые не разделяли антипозитивистскую методологию Гегеля и стояли на более умеренной и лояльной к эмпиризму методологической позиции Канта (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Вебер и др.), заняли по отношению к позитивизму отрицательную позицию.

Однако альтернативный путь, предложенный немецкими учеными, наряду с достоинствами имел и существенный недостаток: предлагалось провести резкую границу, фактически пропасть между социальным и естественнонаучным знанием. Большинство немецких ученых старались показать и доказать, что социальное познание пользуется (или должно пользоваться) совершенно особенными и специфическими методами, применимыми именно и только в этой области познания, но не в естественных науках (полностью отдан-

---

¹⁰ Коïре А.В. Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985. С. 149.

ных ими в то же время на откуп позитивистам). Основание для такого противопоставления и разрыва они находили в философии Канта, в которой философия теоретического и практического разума (моральная философия) полностью оторваны друг от друга и противопоставлены одна другой. Отсюда же (от Канта) и особый акцент на так называемом “отношении к ценностям” как к якобы специфической черте социального познания, отстаиваемой неокантианцами. Следует, конечно, признать, что социальные науки действительно пользуются специфическими и доступными лишь им методами — как теоретическими (объяснением поведения людей через понимание рационального смысла действий), так и эмпирическими (опрос, интервью, анализ документов и т.д.), и эти методы действительно не применяются учеными-естественниками. Однако они (методы) не противоречат самому понятию научного метода, который является общим для всех наук. Следует признать правоту позитивизма, прежде всего, в том, что постулируется существование общего для всех понятия науки и общего метода научного познания (стандартов научности). Другой же основой науки и научного познания может служить диалектика Гегеля, которая исходит из отрицания основополагающего значения эмпирического познания, полагая основой всех наук саморазвивающееся спекулятивное мышление¹¹. И если современная наука не может согласиться с такой общей методологией, то она неизбежно должна принимать эпистемологию позитивизма. Примечательно, что примерно те же самые правила для естествознания сформулировал задолго до Канта Ф. Бэкон, который исходил не из факта успешности наук о природе, а наоборот, — из полного отсутствия в них каких бы то ни было успехов. На фоне некоторой успешности гуманитарных наук Бэкон констатировал поразительное бесплодие и отставание наук о природе и объяснял его засильем чисто логических методов мышления, заимствованных науками о природе из логики и математики. Впрочем, его методология познания адресовалась исключительно наукам о природе. Тем не менее, Кант посчитал нужным распространить эту методологию и на область социального и гуманитарного познания, придав ей статус научного метода вообще. Однако дальнейшая системная разработка и осмысление позитивистской доктрины, предпринятые учеными Венского кружка (Р. Карнап, О. Нейрат, Г. Фейль, М. Шлик), а также примыкавшим к ним Л. Витгенштейном, привела в конце концов к выводу о принципиальной неадекватности этой доктрины.

---

¹¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000.

Важнейшую роль в этом признании сыграли исследования историков науки, среди которых выделяются работы французского ученого российского происхождения Александра Койре¹², который на основании анализа научного творчества классиков физики показал, что их теории ни в коей мере не являются теми индуктивными обобщениями наблюдаемых фактов, о которых говорит позитивистская доктрина. Теории основаны на вполне конкретных “метафизических” (философских) системах и понятиях и представляют собой их конкретизацию применительно к явлениям и фактам, изучаемым физикой. Единственное отличие их от социологии и гуманитарных наук — повышенное применение математики (которая тоже является “априорной” (чисто теоретической), а не эмпирической наукой). Анализ трудов эпохи научной революции показал, что все они — не только и не столько по физике, сколько по философии физики, и именно в этом и заключается их революционное значение для науки. “Вне всякого сомнения, — писал Койре, — именно философские размышления вдохновляли Эйнштейна в его творчестве, так что о нем, как и о Ньюtone, можно сказать, что он в такой же степени философ, в какой и физик”¹³. На этой основе Койре предложил понятие научной революции, которое определил как радикальный переворот, происходящий именно в философской основе науки, а не в каких-либо ее собственных представлениях. Впоследствии именно теорию Койре развил Т. Кун, полностью признавая приоритет предшественника¹⁴.

Применительно же к социальным теориям позитивистов то же самое показал на примере наиболее популярного из них — Г. Спенсера — российский исследователь Н.Л. Кондратьев. “Известно, — пишет Кондратьев, — что... закон эволюции Спенсер прилагал по отношению ко всей Вселенной и ко всем ее частям. Каким путем он получен? Чисто дедуктивным”¹⁵ (следовало бы сказать: “чисто философским” — А.М.).

Иначе говоря, Кондратьев показывает, что в теории Спенсера не факты служат руководящим началом для получения из них теории, а, наоборот, из теории, полученной совершенно независимо, полностью умозрительно, следует ряд фактов, которые она позволяет заметить в реальности, описать и затем подтвердить ее. Фактов же, которые бы противоречили его теории, в системе Спенсера

---

¹² См.: *Койре А.В.* Указ. соч.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ *Кун Т.* Указ. соч. С. 8, 20.

¹⁵ *Кондратьев Н.Л.* Основные учения о законах развития общественной жизни // Кондратьев Н.Л. Избранные сочинения. М., 1993. С. 102–103.

вообще не содержится (что не означает, что в самой действительности их нет). В итоге, накопившееся к середине прошлого века множество такого рода исследований и склонило, в конце концов, сторонников позитивизма к мысли о неполноте их доктрины.

С наибольшей последовательностью обоснование этих выводов представлено в работах К. Поппера, предложившего взамен классической позитивистской доктрины собственную концепцию¹⁶, получившую впоследствии название “критического рационализма” (ее называют также и “фальсификационизмом”)¹⁷. Согласно Попперу, нет никакого логического и вообще рационального пути, ведущего нас от фактов к теории¹⁸. Понимание теории как простого обобщения фактов ошибочно. Научные теории представляют собой некие “смелые догадки”, озарения, предположения, а не простые обобщения фактов. Более того, во многих случаях именно теориями определяется и направляется установление самих фактов, а не наоборот. Поэтому не факты, а теории признаются здесь чем-то первостепенным и первичным, а факты — зависимым от них и второстепенным. Тем не менее, Поппер одновременно настаивает и на том, что именно на фактах (и опыте вообще) должна проверяться и доказываться ценность научной теории. Поскольку в таком понимании явно просматривается логический круг (факты и задаются теорией и проверяют ее), то Поппер акцентирует внимание не на подтверждении теории фактами, а на ее опровержении. Научная теория, по его мнению, должна быть в принципе “пригодной” для ее опровержения фактами. Если же теория не способна к такому опровержению (Фрейд, Маркс и др.), то ее следует считать ненаучной. Поскольку философские теории по определению говорят о бытии вообще, а не о каком-то отдельном фрагменте этого бытия, который всегда только и доступен нам в опыте, постольку они, будучи всегда и везде истинными, никогда не могут быть опровергнуты. Следовательно, по логике Поппера, — они принципиально ненаучны. В таком случае, к числу ненаучных теорий мы должны отнести также и математику, и саму (формальную) логику с ее законом противоречия. Получается, что истинность и научность — противоречащие друг другу понятия. Абсолютно истинная теория тем самым и ненаучна. А если теория научна, то она обязательно должна где-то и в чем-то оказаться ложной. Поэтому Поппер рекомендует стремиться не столько к по-

---

¹⁶ См.: *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: рост научного знания. М., 2004.

¹⁷ *Гусева Е.А., Леонов В.Е.* Указ. соч. С. 7.

¹⁸ См.: *Поппер К.Р.* Указ. соч.

иску подтверждений теорий, сколько к поиску их опровержений; лишь тогда ученые смогут убедиться в их полной научности. На этом же основании постпозитивисты (и в частности Кун) предпочитают говорить уже не об истинности или ложности научных теорий, а только об их научности или ненаучности (хотя критерии научности у Куна иные, нежели у Поппера).

Последнее слово в этом направлении эпистемологической мысли, принадлежит П. Фейерабенду, который утверждает, что не существует критериев научности или ненаучности. Признаваемые “научными” теории не обладают никакими преимуществами перед любыми другими интеллектуальными продуктами, в том числе и считающимися ныне ненаучными (астрология, креационизм). Все интеллектуальные конструкции равноправны, и единственно разумное требование — это допущение и даже поощрение размножения таких интеллектуальных конструкций (принцип “пролиферации” или “все позволено”). Эта эпистемологическая доктрина получила название “методологического анархизма” (им пользуется и сам Фейерабэнд¹⁹).

Но в таком случае, о каком отставании социальных наук можно говорить? Наоборот, следует признать, что социальные науки намного опережают и превосходят естествознание, поскольку именно в них принцип пролиферации идей, плюрализма концепций и принцип методологического анархизма доведены до максимального воплощения. На этом фоне естественные науки представляются чем-то отсталым и схоластическим.

Однако, еще более вредным кажется принятие самого принципа “методологического анархизма”. Причем, наиболее вредным не столько в естествознании, сколько в области социально-гуманитарных наук. Поэтому, как современная наука в целом, так и социальные науки, в частности, сочли за лучшее принять постпозитивистскую эпистемологию не в самой крайней ее (Фейерабэнд), а в достаточно умеренной версии (Поппер, Кун).

Однако даже умеренная версия постпозитивизма относится к социальным наукам весьма скептически, продолжая ставить им в образец науки о природе. Делает она это уже на несколько иной эпистемологической основе — теории научных парадигм Куна. В отношении же Поппера заметим, что он был согласен с теорией Куна как с верным описанием развития науки, но не был согласен с теми нормативными предписаниями, которые могут быть из него сделаны²⁰.

---

¹⁹ См.: *Фейерабэнд П.* Избранные труды по методологии науки / Общ. ред. И.С. Нарский. М., 1986.

²⁰ *Микулинский С.Р., Маркова Л.А.* Чем интересна книга Т. Куна “Структура научных революций” // Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 282–285.

История, как известно, любит повторяться. В 1958 г. (через полтора века после Конта) другой молодой ученый, но уже американский, Кун, тоже физик по образованию, интересовавшийся одновременно и эпистемологией, и историей науки, познакомился с американскими учеными-социологами и социальными психологами Центра современных исследований в области наук о поведении и тоже был поражен фактом “неблагополучия” в области социальных наук — чрезвычайной раздробленности научного сообщества. Получалось, что более полутора веков, протекших со времени публикации Позитивистского Манифеста, прошли для социальных наук практически даром. Ученых-социологов так и не удалось объединить под знаменем единого для них понимания науки и научности, и у всех господствуют сегодня собственные представления на этот счет. Именно этот факт, как сообщает Кун, и послужил для него последним толчком к оформлению понятия научной парадигмы, после чего “быстро возник первоначальный набросок” книги “Структура научных революций”²¹. Основные положения теории Куна кратко могут быть сформулированы следующим образом.

1. Наука начинается только с появления основополагающей научной парадигмы — какой-нибудь выдающейся теории, которая настолько хорошо объясняет и описывает факты в той или иной предметной области познания, что привлекает к себе внимание множества ученых-“сторонников” этой теории, образующих научное сообщество, которое начинает (продолжает) развивать и разрабатывать эту теорию. Понятия научной парадигмы и научного сообщества — одно из главных нововведений и достижений теории Куна.

2. Однако научная парадигма для принявшего ее научного сообщества не просто удачная теория, но одновременно и методологический образец их деятельности, по “лекалам” которого эти ученые и начинают ставить и разрешать затем более частные вопросы (“решать научные головоломки”). В этом и состоит в основном содержание деятельности ученых на данном этапе сложившейся (благодаря обретению парадигмы) новой науки. Таковую науку, которая исходит из образца одной-единственной теории и не соглашается отказываться от нее, несмотря ни на какие возникающие в ней трудности или даже противоречащие ей факты, но, наоборот, до последнего стремится справиться с ними силами самой этой теории и в ее рамках (в чем и состоит в основном “решение головоломок”), Кун назвал “нормальной наукой”²². “Нормальная”

---

²¹ Кун Т. Структура научных революций. С. 11.

²² Там же.

деятельность ученых состоит вовсе не в перманентной критике и не в попытках опровергнуть принятую ими в качестве руководства к действию парадигму (как рекомендует науке Поппер), а, наоборот, — в защите ее любыми средствами, вплоть до логически (эпистемологически) “незаконных”, и во вполне стандартизированных действиях по постановке и проведению тех или иных конкретных (частных) исследований. Иначе говоря, деятельность ученых на стадии “нормальной науки” напоминает деятельность средневековых схоластов, умы которых, как известно, были скованы и поставлены в узкие рамки усвоенных ими со школьной и университетской скамьи религиозно-теологических и научно-философских догм.

3. В рамках любой парадигмы всегда имеется (или со временем появляется) одна или несколько таких трудностей или контрфактов (“аномалий”), с которыми не могут справиться даже лучшие умы, разделяющие эту парадигму, несмотря на самые настойчивые и продолжительные усилия, предпринимаемые с целью избавиться от этих проблем. Эта неудачность попыток устранить аномалии, в конце концов, и приводит любую науку к кризису.

4. В этот период в научном сообществе обычно возникает раскол: все большая часть его членов проявляет все более сочувственное отношение к другим теориям, конкурирующим с парадигмальной, и, в конце концов, с помощью одной из таких теорий им удается справиться с неразрешимыми проблемами, вызвавшими кризис старой парадигмы, и тем самым доказать превосходство новой теории. В результате совершается переход основной массы научного сообщества на сторону новой теории. В конечном итоге эта новая теория занимает место старой и тем самым происходит радикальная смена парадигм. Переход научного сообщества от одной парадигмы к другой Кун и называет научной революцией, после которой весь описанный выше процесс в науке повторяется снова — до новой научной революции и новой смены парадигм²³.

Следует подчеркнуть, что Кун излагает и иллюстрирует свою теорию на историческом материале, полученном из наблюдения за процессом развития только одной науки — физики и одного периода ее развития — с середины XVI до середины XX в.²⁴ Тем не менее, его теория претендует на описание и объяснение любой области научных исследований, т.е. на статус общей теории науки. И именно так она и была воспринята всеми учеными. Практически во всех науках, в том числе и социальных, признали значение

---

²³ Кун Т. Структура научных революций.

²⁴ Там же. С. 12.

теории парадигм Куна и стали использовать его понятия для методологической рефлексии в своих областях познания²⁵.

Однако в области социально-гуманитарного познания до сих пор нет консенсуса и наблюдается, наоборот, шокирующая раздробленность научного сообщества. Применимы ли в таком случае в социальных науках понятия научных парадигм и научных революций? Сам Кун полагал, что социальные науки в настоящее время находятся все еще на допарадигмальной (т.е. донаучной) стадии своего развития²⁶. Они и близко не подошли еще к той стадии научной зрелости, на которой находятся сегодня науки естественные. Перечисляя имена ученых, установивших первые научные парадигмы (Аристотель, Архимед, Ньютон, Франклин, Блэк, Геттон и др.), Кун добавляет: “В таких разделах биологии, как, например, учение о наследственности, первые парадигмы появились в самое последнее время; и остается *полностью открытым* вопрос, имеются ли такие парадигмы в каких-либо разделах социологии”²⁷.

Как мы видим, Кун, по меньшей мере, сильно сомневаясь в научном статусе социологии, не высказывался более откровенно по этому вопросу, в отличие от Конта, лишь только из осторожности, внушаемой ему сознанием недостаточности компетенции. Однако сами социологи считают совершенно иначе. После Конта уже не сомневаются в том, что их область познания обрела все признаки научной, и что эту научность ей придал именно Конт. И действительно, теория Конта отвечает почти всем основным требованиям, предъявленным Куном к научной парадигме. Она была воспринята как выдающееся достижение научной мысли своего времени; оказалась способной не только образовать широкое научное сообщество, но и дать науке такие известные имена как Спенсер, Милль, Дюркгейм и др. А, поскольку вопрос об истинности научных теорий в постпозитивистской эпистемологии вообще снимается, то и не имеет никакого значения, верными или ошибочными были (и являются) все эти теории, — главное, что научное сообщество того времени их считало истинными.

Тем не менее, противоречащим теории парадигм здесь остается тот факт, что далеко не все представители социально-гуманитарных наук разделяют указанную трактовку возникновения социологии как науки. Марксисты, например, с ней решительно не согласны и считают не Конта и Спенсера, а Маркса и Энгельса истинными

---

²⁵ См.: Мамедов А. Не сотвори себе кумира, или интеллектуальная деспотия современных парадигм // Ученые записки Якутского филиала Академии труда и социальных отношений: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Якутск, 1996.

²⁶ См.: Кун Т. Структура научных революций.

²⁷ Там же. С. 34.

основателями этой науки²⁸. Другая группа ученых считают подлинными основателями социологии Вебера и Мида. И именно эта раздробленность научного сообщества по вопросам, затрагивающим фундаментальные основы социальной теории, и не дает возможности признать социологию, согласно эпистемологии Куна, вполне состоявшейся наукой. С его точки зрения, социологи сначала должны договориться между собой, прийти к какому-то более или менее общепризнанному соглашению, и только тогда вести речь о сформировавшейся науке. Современные же учебники по социологии, как правило, придерживаются одновременно и той, и другой точек зрения, несмотря на их несовместимость друг с другом. Они объявляют социологию полноценной наукой, сформировавшейся с принятием парадигмы Конта, и одновременно рассказывают о том, что в основе современной социологии лежат несколько — как минимум три упомянутых выше — конкурирующих фундаментальных научных парадигм, причем ни одна из них никогда не сменяла другую в ходе какой-либо научной революции²⁹.

Созданная на материале одной только физики теория Куна демонстрирует бессилие в попытках объяснить развитие процесса познания в области наук социальных. Но это бессилие теории парадигм тем более удивительно, что, с одной стороны, теория Куна впервые (если не считать аналогичных положений в марксизме) привлекла внимание ученых к влиянию социального фактора на процессы принятия и смены научных теорий, а, с другой — сама социология как раз и является той наукой, которая специально изучает эти социальные факторы и условия развития общественных институтов, в том числе и науки. Казалось бы, именно применительно к социальным наукам теория парадигм и должна была продемонстрировать свою полную адекватность. Однако на деле мы видим иное, дело здесь вовсе не в социальных факторах, а в самой эпистемологии научного познания.

Какую же сторону, в конце концов, должна занять рефлексирующая социальная мысль в этом споре? Должна ли она принять сторону теории парадигм Куна (тем самым признав себя не только отстающей, но и не вполне сформировавшейся наукой), или же ей нужно оставаться на позиции современных учебников по социологии — признавать недостаточную корректность самой теории Куна? На наш взгляд, вторая точка зрения все же ближе к истине,

---

²⁸ См. например: *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. М., 1928; *Оранский С.А.* Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1927.

²⁹ См.: *Масионис Дж.* Социология. СПб., 2004.

и поэтому в исправлении (улучшении) нуждается сама теория парадигм, а уже затем — и позиция самой социологии.

Теорию научных революций, как отмечено выше, создал в основном Койре; но он обозначал лишь перевороты, совершаемые в самих философских основах науки, а не в ее частных вопросах и дисциплинах. Кун же в своей теории снял это ограничение, причем, именно это он отмечает в качестве своего личного вклада в рассматриваемую теорию³⁰. Иначе говоря, он расширил понятие научной революции, распространив его на любые смены теорий (парадигм), в том числе и в частных научных дисциплинах.

Во многом именно из-за этого смешения частных и общих теорий в трех основных фундаментальных областях познания — физике, биологии и социологии (социальных науках) — и возникает иллюзия множественности концепций (парадигм) вообще. Теории стигматизации³¹, например, гендерные теории, теории социальных движений, теории урбанизации и т.п. не являются общими социальными теориями и потому не могут стоять в одном ряду с такими теориями, как теории Дюркгейма, Маркса и Вебера. Поэтому, если отделить частные теории от теорий действительно общих, то видимость какой-то исключительной концептуальной плюралистичности социальных наук, по сравнению с науками естественными, в значительной степени исчезнет.

Более того, самых общих теорий в социальных науках не больше, чем их насчитывается сегодня в той же физике. Ведь в последней сейчас на этот статус претендуют и специальная теория относительности Эйнштейна, и его же общая теория относительности, и квантовая механика Бора и Гейзенберга, и общая теория термодинамики, плюс “Законы сохранения” (вещества и энергии) и плюс самое последнее добавление к ним — синергетика И. Пригожина³². Причем, все эти теории не только согласуются, но во многом и конфликтуют друг с другом (как и в социальных науках). Таким образом, факт исключительной плюралистичности социальных наук, по сравнению с естествознанием, является больше видимостью. Тем не менее, факт плюрализма парадигм даже и в сфере одной только общей теории (причем, не только в социологии, но и в самой физике) все же налицо и требует от теории парадигм какого-то объяснения. Почему эти множества парадигм не заменяются какой-то одной общепринятой Парадигмой? Второе, не

³⁰ Кун Т. Структура научных революций. С. 24.

³¹ См.: Литай Т., Мамедов А. Введение в теорию социальной стигматизации. Saarbrücken, 2011.

³² См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

так легко замечаемое обстоятельство, постоянно сбивающее с толку, заключается в том, что во всех науках существует не один, а, как минимум, два типа научных теорий, по-разному проявляющих себя в отношении требований истинности научного знания. К первому типу можно отнести описательные (или феноменологические) теории, а ко второму — теории объяснительные (или сущностные).

Хрестоматийным примером теории первого типа являются знаменитые теории Птолемея³³ и Коперника³⁴. Характерными свойствами таких теорий является, во-первых, то, что они ничего не объясняют, а лишь только описывают реальные объекты, а, во-вторых, — и в силу именно этой причины, — из любого множества таких теорий (моделей), относящихся к одному и тому же объекту, истинной может быть только одна из них.

Однако существуют еще теории иного рода, которые используют рассуждения не потому, что прямое наблюдение вещей человеку недоступно, т.е. не в замену ему, а потому, что без него вообще невозможно получить ответы на некоторые вопросы. В таких случаях человек использует свой дар мышления по его прямому назначению. Это вопросы о сущности тех или иных явлений, вопросы “почему”? и “зачем”? Ответ на подобного рода вопросы невозможно получить никаким наблюдением даже с самой удобной и выгодной позиции наблюдателя. Такие теории могут быть названы объяснительными, которые и являются теориями в собственном смысле слова³⁵. Они принципиально недоступны чувственному созерцанию и могут быть получены единственно с помощью мышления.

Но важной их особенностью является то, что отношения между ними могут быть совершенно отличными от тех, что существуют между теориями первого типа. В частности, здесь могут быть истинными одновременно обе теории, даже логически исключающие друг друга. Именно такого рода “казусы” и заставили, в конце концов, позитивистов (постпозитивистов) избегать понятия истинности в отношении научных теорий. Ведь в процессе смены научных парадигм оказывалось, что теория, считавшаяся до того истинной и подтверждавшаяся эмпирически, стала вдруг “неис-

---

³³ См.: *Птолемей Клавдий*. Альмагест: математическое сочинение в 13 книгах. М., 1998.

³⁴ *Коперник Н.* О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись. М., 1964.

³⁵ См.: *Мамедов А.* Когнитивная структура принятия решения (рукопись деп. в ИНИОН РАН). Якутск, 2001; *Бабосов Е., Васильев А., Мамедов А.* Общая социология. Якутск, 2014.

тинной” и заменялась другой (противоположной) теорией, считавшейся ранее “ложной”.

Когда Конт выделял в объекте социологии “социальную статику” и “социальную динамику”, он пользовался ни чем иным, как “метафизическим” подходом к познанию объекта, впервые установленным Аристотелем. Если же с этим эпистемологическим выводом обратиться к социальным наукам, то мы увидим, что в них с этой точки зрения все обстоит вполне удовлетворительным образом. А именно, теория Маркса (как пример) является одновременно холистической (полагающей, что поведение индивидов управляется изменениями, происходящими во всем обществе) и физиократической (полагающей источником движения общества его низшие — экономические — подсистемы)³⁶. Теория же Вебера является ее полной противоположностью: она индивидуалистична (полагает, что изменения в обществе происходят под влиянием изменений в поведении индивидов, его составляющих) и культурократична (полагает, что изменения в высшей — духовной и культурной — сфере управляют изменениями, происходящими в низших сферах общества, в том числе и экономической). Теория Дюркгейма противоположна обеим вышеописанным теориям: в ней (как ведущей происхождение непосредственно от Конта) акцент делается на эмпирической и описательной стороне социального познания³⁷, тогда как теории Маркса и Вебера делают акцент на понимающей и объясняющей (рациональной) стороне социального познания³⁸. В целом же все эти парадигмы составляют единую и согласованную (через их взаимную противоположность) теоретическую систему, в которой невозможно (и не следует) отдавать предпочтение ни одной из них, но следует, наоборот, стремиться к их синтезу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабосов Е., Васильев А., Мамедов А.* Общая социология. Якутск, 2014.
Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. М., 1928.
Вебер М. Исследования по методологии наук. М., 1980.
Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000.
Гусева Е.А., Леонов В.Е. Философия и история науки: Уч. М., 2015.

---

³⁶ См.: *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 517-642.

³⁷ См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

³⁸ См.: *Вебер М.* Исследования по методологии наук. М., 1980.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы: Уч. пособ. для вузов. М., 2010.

Койре А.В. Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985.

Кондратьев Н.Л. Основные учения о законах развития общественной жизни // Кондратьев Н.Л. Избранные сочинения. М., 1993.

Конт О. Общий обзор позитивизма / Под ред. Э.Л. Радлова. М., 2011.

Коперник Н. О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись. М., 1964.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Кун Т. Логика науки или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3. Проблемы анализа знания. М., 1997.

Липай Т., Мамедов А. Введение в теорию социальной стигматизации. Saarbrücken, 2011.

Мамедов А. Не сотвори себе кумира, или интеллектуальная деспотия современных парадигм // Ученые записки Якутского филиала Академии труда и социальных отношений: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Якутск, 1996.

Мамедов А. Когнитивная структура принятия решения (рукопись деп. в ИНИОН РАН). Якутск, 2001.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 517–642.

Масионис Дж. Социология. СПб., 2004.

Микулинский С.Р., Маркова Л.А. Чем интересна книга Т. Куна “Структура научных революций” // Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1927.

Поппер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания. М., 2004.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

Птолемей Клавдий. Альмагест: математическое сочинение в 13 книгах. М., 1998.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Общ. ред. И.С. Нарский. М., 1986.

REFERENCES

Babosov E., Vasil'ev A., Mamedov A. Obshhaja sociologija. Jakutsk, 2014.

Buharin N.I. Teorija istoricheskogo materializma: Populjarnyj uchebnik marksistskoj sociologii. M., 1928.

Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii. M., 1991.

Fejerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki / Obshh. red. I.S. Narskij. M., 1986.

Gegel' G.V.F. Filosofija prava. M., 1990.

Gegel' G.V.F. Fenomenologija duha. M., 2000.

Guseva E.A., Leonov V.E. Filosofija i istorija nauki: Uch. M., 2015.

Kojre A.V. Očerki istorii filosofskoj mysli: O vlijanii filosofskih koncepcij na razvitie nauchnyh teorij. M., 1985.

Kondrat'ev N.L. Osnovnye uchenija o zakonah razvitija obshhestvennoj zhizni // Kondrat'ev N.L. Izbrannye sochinenija. M., 1993.

Kont O. Obshhij obzor pozitivizma / Pod red. Je.L. Radlova. M., 2011.

Kopernik N. O vrashhenijah nebesnyh sfer. Malyj kommentarij. Poslanie protiv Vernera. Upsal'skaja zapis'. M., 1964.

Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. M., 1977.

Kun T. Logika nauki ili psihologija issledovanija? // Filosofija nauki. Vyp. 3. Problemy analiza znanija. M., 1997.

Lipaj T., Mamedov A. Vvedenie v teoriju social'noj stigmatizacii. Saarbrucken, 2011.

Mamedov A. Ne sotvori sebe kumira, ili intellektual'naja despotija sovremennyh paradig // Uchenye zapiski Jakutskogo filiala Akademii truda i social'nyh odnoszenij: Sb. nauch. trudov. Vyp. 1. Jakutsk, 1996.

Mamedov A. Kognitivnaja struktura prinjatija reshenija (rukopis' dep. v INION RAN). Jakutsk, 2001.

Marks K. Jekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K., Jengel's F. Iz rannih proizvedenij. M., 1956. S. 517–642.

Masionis Dzh. Sociologija. SPb., 2004.

Mikulinskij S.R., Markova L.A. Chem interesna kniga T. Kuna "Struktura nauchnyh revoljucij" // Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. M., 1977.

Oranskij S.A. Osnovnye voprosy marksistskoj sociologii. L., 1927.

Popper K.R. Predpolozhenija i oproverzhenija: rost nauchnogo znanija. M., 2004.

Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy. M., 1986.

Ptolemej Klavdij. Al'magest: matematicheskoe sochinenie v 13 knigah. M., 1998.

Zhelto V.V., Zhelto M.V. Istorija zapadnoj sociologii: jetapy, idei, shkoly: Uch. posob. dlja vuzov. M., 2010.

Veber M. Issledovanija po metodologii nauk. M., 1980.